

Лев Усыскин

**...Его
досужие
вымыслы**

Лев Усыскин

...Его досужие вымыслы

«Издательские решения»

Усыскин Л. Б.

...Его досужие вымыслы / Л. Б. Усыскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852796-8

Когда-то Марк Блок совершил переворот в историографии, написав о французских королях, как об африканских вождях с их магической целительной силой. Усыскин попытался сочинить своих «Королей-чудотворцев» — но не о монархах, а о жестоком красном генерале Фрунзе. Мифологическая дистанция освобождает нас от необходимости сопереживать «красным» или «белым»; мы вольны заботиться о себе, об обычных людях... Но есть странный символизм в том, что «Хроники Фрунзе» не завершены. Кирилл Кобрин

ISBN 978-5-44-852796-8

© Усыскин Л. Б.
© Издательские решения

Содержание

Попытка авторского предисловия	6
ХРОНИКИ ФРУНЗЕ	7
Первая книга похода	9
Из книги Говорухи-Отрока	14
Из свода С. Я. Шалобасова. Вторая тетрадь	16
Первая книга похода (продолжение)	17
Книга Царицына	21
Книга Степи (Вторая книга Похода)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

...Его досужие вымыслы

Лев Борисович Усыкин

© Лев Борисович Усыкин, 2017

ISBN 978-5-4485-2796-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕВ УСЫКИН

**...ЕГО
ДОСУЖИЕ
ВЫМЫСЛЫ**

Copyright © 2010 Лев Борисович Усыкин

© 2010 Александр Насонов – фото

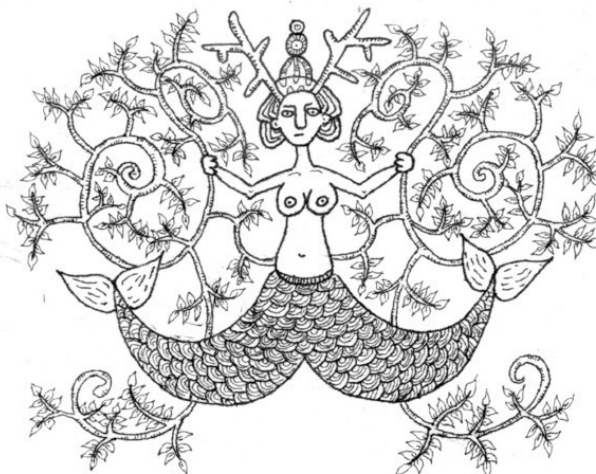
© 2010 Феликс Данкевич – графика

В авторской редакции

Попытка авторского предисловия

Предлагаемые читателю изделия моего пера, как-то – «Хроники Фрунзе» и «Хрущев» – относятся к близким, но все-таки несколько разным таксонам литературной формы. В первом случае это – так называемый неоконченный роман. Неоконченный не как «Тихий Дон» (пардон за возвышенность сравнений), а как 8-я симфония Шуберта «Unvollendet». То есть не из-за превратностей судьбы, но строго по исчерпанию странной субстанции, которая описывается неуклюжим словосочетанием «то, что хотел сказать автор». Важно, однако, что вплоть до последней буковки «Хроники» идут так, как шли бы, будучи нормальным, законченным романом, – и это отличает их от глав романа «Хрущев», из которых лишь первые три идут подряд, тогда как прочие – просто отдельные главы. Что никаким образом, на взгляд автора, не лишает смысла и удовольствия их прочтение. Именно удовольствия автор и хочет пожелать открывшему эту книгу.

Л. У.

ХРОНИКИ ФРУНЗЕ

С. Я. Шалобасов – Н. П. Петропавловскому

Милостивый государь, глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вот уже скоро шестнадцать месяцев как я лишен, увы, столь недооцененной мною прежде радости черпать вдохновение из нашего с Вами ежедневного общения. Что ж, как говорится, *sapientī sat*, настала пора, в силу скромного моего дарования, оделить других теми жемчужными россыпями, что расточались щедрою рукой Вашей (Господи, сколь же легкомыслен был я тогда!) в дискуссиях, семинарах и, пуще того, – в ходе тех незабываемых кафедральных чаепитий. (Чего бы, кажется, ни отдал, лишь только вдохнуть, хоть бы и единожды, вновь их интеллектуальный аромат, – ну да, как знать, может, и станет еще...)

Здесьняя публика весьма контрастна, как и подобает ей быть в провинциальном университете: ломоносовы областного масштаба, а кроме того – тихие изгнанники и, напротив, ДЕТИ УВАЖАЕМЫХ РОДИТЕЛЕЙ. Впрочем, тоже – областного масштаба. Что же касается студентов, то в этом случае таксономия примерно та же, что провоцирует исчезающую за горизонтом цепь усталых размышлений о непрерывности бытия. Библиотека дрянная. Собственно, с этого я и начал – правдами и неправдами удалось кое-что заказать, кое-что выписать и т. д. О том же и Вас смею просить – ежели есть что-либо стоящее – сделайте милость. Против ожидания – здесь весьма либеральное (или желающее таковым казаться?) начальство. Разговаривает любезно, почти не делает ошибок в падежах и гораздо на обещания всяческого содействия. Посмотрим, как то на деле. Подозреваю, что меня записали в ИМЕЮЩИХ СВЯЗИ В СТОЛИЦЕ. Вот оно как с нашим братом иногда может приключиться! Тот юноша, вернее, тот молодой человек, что передаст Вам это сумбурное послание, – один из весьма подающих надежды. Таких здесь (впрочем, как и везде) немного, но все же есть. Слежу за его успехами (и неудачами тоже) уже четвертый семестр – право, есть о чем говорить. Коли будет свободная минута – побеседуйте с ним. С удовольствием услышал бы Ваше мнение и был бы благодарен, если бы Вы сочли возможным принять участие в его судьбе. Разумеется, если у Вас составится впечатление, что овчинка стоит подобающей выделки...

Что касается работы над сводом хроник Восточного Похода, вот то, что удалось нам собрать на сегодняшний день и что мы, исполненные смелости (наглости?) великой, намереваемся опубликовать. Уповаю, что за Вами – комментарии «первого уровня», ибо никто, убежден, не сделает это лучше, чем Вы. На том прощаюсь – искренне Ваш Сергей Шалобасов.

P. S. Николай Петрович – не откажете ли еще в одной любезности? Справочку по тому самому К. Б. Шервуду, ну, Вы помните, а?

Н.П.Петропавловский – С.Я.Шалобасову

Здравствуйтесь, Сережа, – виноват, зав. кафедрой профессор Шалобасов С. Я.

Рад был получить от Вас весточку, спешу ответить на все вопросы Ваши, но по порядку. Начнем с конца. Итак, профессор Константин Бернгардович Шервуд (1865—1912?). Правнук придворного провизора императора Александра I, снискал известность, в первую очередь, пионерскими работами по антропологии и археологии древнейших стоянок человека на Нижнем Дону и Северном Кавказе; впрочем, теперь эти исследования перекрыты позднейшими и интересны, если так можно выразиться, «исторически в квадрате». Далее. Вышеназванный Шервуд в девяносто четвертом году принужден был оставить кафедру в Казани и отойти от занятий наукой вовсе, будучи, косвенным образом, замешан в так называемом «деле о концессии Арапово-Саранск», главным персонажем которого стал его брат, Михаил Шервуд. Дальнейшая судьба обоих братьев весьма туманна. Есть данные, что Михаил надолго пережил Констан-

тина и что он действительно позднее посетил интересующие Вас места на предмет предполагаемого строительства железнодорожной ветки до Омска. Однако, в любом случае, – это Шервуд-промышленник, а не Шервуд-профессор. Включал ли круг его интересов найденные Вами материалы, – весьма сомнительно... Как бы то ни было – вот все, что удалось выяснить. Теперь о Вашем протее. По первому впечатлению присоединяюсь к Вашей оценке способностей этого человека – при надлежащем уходе побег сей может дать весомые плоды. Если, конечно, не скурвится каким-либо из четырехсот двадцати имеющихся в природе способов, – все пути открыты для молодежи... Что же касается участия в его судьбе – я посмотрю, что тут возможно сделать, и обещаю до конца осени отписать Вам отдельно с изложением результатов таковых изысканий.

Касательно материалов о Восточном Походе. В том виде, в котором они существуют сегодня, точнее даже – существуют сегодня на моем рабочем столе, – это значительно более полный свод, нежели год назад. И, тем не менее, ощущаются все-таки некоторые лакуны, в первую очередь, касающиеся судьбы Южного войска Салават-мирзы, причин его гибели. То же относится к истокам конфликта Салават-мирзы и Багряного. Крайне недостаточны сведения о личностях астраханских военачальников, так, меня в первую очередь заинтересовало возрастное расслоение – не заложен ли в нем конфликт поколений? Есть и другие невнятности, хотя и более интуитивные, – на что людям нашей с Вами профессии ссылаться и вовсе негоже. В остальном же – остаюсь при своем мнении, что это – великолепная работа, и обещаю сделать все от меня зависящее для смягчения причитающихся ей ударов судьбы.

Остаюсь Ваш,
С уважением,
Николай Петропавловский.

Первая книга похода

АСТРАХАНЬ

Вот имена начальников, стоявших в Астрахани: Сухой Федот, начальник над плотниками из Царицына, Архип Заяц, прозванный Горелым, – он привел людей из Нарын-Худука и Улан-Хола, Моисей Черноус и брат его Багрый, Салават-мирза, начальник над башкирами, Данила Сыч, бывший тогда уже преклонных дней, Щорс, Завьялов Неназванный, Говоруха-Отрок, Еврей Гольц, Матвей Плаха – тот, что с одной рукой, Соленый, с ним Ефим Дуга и другой Ефим – Небогат; от рыбаков астраханских – Евсей Калина, а также Фома Солдат и Анисим Хворый. Всего начальников семнадцать человек. Всего же людей, стоявших в Астрахани, числом было тридцать восемь тысяч – коней же двадцать тысяч, верблюдов две тысячи семьсот, упряжных животных – до восемнадцати с половиной тысяч. Стояли же в Астрахани до смерти Ленина шесть месяцев и восемь дней, а по смерти Ленина еще четырнадцать дней.

2.

По смерти Ленина на седьмой день созвал Фрунзе начальников астраханских и обратился к ним, говоря: «Вы, сталь от стали и кровь от крови, – Вы, радость и отмщение народа Земли, – одежда ваша из кожи, оружие ваше у пояса вашего, легок шаг ваш, узок ваш след – люди ваши послушны, кони ваши быстры: кто, как не вы, однажды выйдя, – дойдет и, однажды выехав, – доедет; не пойдем ли, не отомстим ли по свету за Ленина? или мало нас? или не пускают раны дней ушедших?» И ответили начальники астраханские: так говоришь! И сказал тогда Фрунзе, говоря: до края лежит земля перед нами: Дербент и Шемаха, Асхабад и Мерв, Тебриз и Бухара – пойдем же и освободим народы гор и народы пустынь, людей рек и людей колодцев – и да будет так! И сказали ему: да будет по слову твоему и по руке твоей, веди нас! И условились о сроках – и решили призвать еще людей, помимо тех, что были с ними. И сказал Евсей Калина: «Как быть нам? Ведь могут объявиться пустые среди призванных? И нет времени у нас проверить их делом!» И стали искать пробы – и не находили; и сказал тогда Данила Сыч, бывший самым старым из них: «Пусть сделают по слову моему: пусть сварят кашевары каши по всем котлам, большим и малым, и еще пусть сварят – и как станут они солить ту кашу – пусть солят втрое против обычного, и еще пусть солят – и это будет пробой!» И воскликнул тогда Евсей Калина: «Что ж из того, старый Сыч? Какая же проба на каше?» И сказал Данила Сыч: «Вот проба: пусть каждый из призванных подведен будет той каши отведать. Коли отведают и не поморщится – пусть прилепится к обществу и будет нашим, а коли поморщится – да возвратится в дом родителей своих». И решили так, поелику Сыч был мудр и старше других начальников астраханских. И сделали по слову его, и вот пополнение, обретенное в Астрахани: четырнадцать тысяч без малого человек. А негодных на пробе было одиннадцать тысяч семьсот. Всего же людей стало пятьдесят две тысячи человек. И пришел некто и говорил, что мало упряжи разной и другого имущества, а купцы в лавках, узнав про поход, спрашивают цену впятеро против обычного, а где и больше спрашивают. И возмущился Фрунзе и сказал: «Доколе зависеть нам от прихоти златолюбивых? Пойдите же и возьмите у них то и то и ничего взамен не давайте!» И бросился народ к лавкам, и разрушили лавки, и каждый взял, чего ему не хватало; а купцов и всех слуг их связали и привели их к Фрунзе связанными, так как не знали, что делать с ними. И увидел старшина купеческий, что гнев велик и сила велика, и сказал с умыслом: «Славен будь, Фрунзе! Широкая степь – коням твоим, стрелам твоим – тугая тетива! Нам ли, малахольным, перечить пути твоему? Или слепы мы? Или вдруг рассудка лишились? Вот мы – в руке милосердия твоего: слово твое – и казнят, слово – и милуют: ничто не перечит тебе». И сказал Фрунзе: «Так говоришь!» И сказал старшина купеческий: «Уповаем на милость твою: не погубишь ты нас: без нас город, что церковь без подклети». И ответил

Фрунзе, рассмеявшись: «Тщедушные! Я выступаю завтра – что мне город!» И велел казнить их водой; и вывели их на плотях и били баграми до последнего.

3.

Вот селения и города, которые взял Фрунзе: Каралат и Камызяк, Камардан и Аксарай – это в Астраханской губернии; Акколь и Аккыстау, Махабет и Балыкши – это в Области Войска Уральского, Пешной взял Салават-мирза с коня – это у моря. И подступили к Гурьеву-городку. И было перед Гурьевом тем предместье, где жили армяне, большей частью ремесленники и возчики. И укрепились они в предместье и, изготовив оружие, выслали вперед двоих, чтобы те оповестили их, – потому что не знали, что это Фрунзе. И привели их к Багряному, и сказал им Багряный, думая напугать: «Видели вы лагерь сей?» И сказали посланные: «Так, полковник! Видели мы станы киргизов, видели станы кочующих калмыков – видели и твой, полковник». И разгневался тогда Багряный и велел прогнать посланных прочь. И сделали так. Тогда велел он узнать, что в предместье, и донесли ему, – что тихо и не оставляют жители укреплений своих; и сказал тогда Багряный себе: «Что толку уговаривать их? Пойду и возьму их силой руки, как взял Салават-мирза Пешной, что у моря, и буду славен!» И выехал он перед лагерем и велел трубачам играть атаку. И был один человек, по имени Тимофей Пакля, вышел он перед строем своим и сказал Багряному: «Что творишь!» И разгневался тогда Багряный и покраснел лицом своим, но, сдержав гнев свой, сказал: «О чем судишь ты? Или не веришь ты начальнику своему? Иди же в строй свой, малахольный!» И замахнулся на него своим оружием, но не ударил. И сказал тогда Пакля: «Что ж губить нам братьев наших – работников и ямщиков?» И ропотом отозвались слова его. И увидел тогда Багряный, что сомнения произвели слова сии, и стал тогда теснить говорившего конем своим, говоря: «Что мелешь ты? Будто не слышал, что сказали о нас люди эти? Будто не слышал, как насмехались они, говоря: «Вот новые разбойники степи – на смену старым. Одолели мы прежде тех – одолеем и этих!» И, подняв над головой оружие свое, велел идти на предместье.

4.

И была атака, и была другая – и многих поразили у Багряного армяне, потому как сражались за дома свои. И приблизились тогда к Багряному некоторые из старших его и сказали: «Стоит ли атаковать укрепившихся вновь и вновь? Не лучше ли, дождавшись прочих, взять их правильной осадой? Сбережем этим людей наших!» Но прервал их Багряный, сказав: «Близорукие! Или неведомо, что скажет старый Сыч? Или милее кому из вас плеть его сотников? Или забыли уже, как Салават-мирза смеялся над вами давеча?» И велел идти вновь – и исполнились бойцы стыдом великим и бились дотемна, прежде чем вошли в предместье, – и после того резались по улицам его, пока оставалась в нем хотя бы одна живая душа, – тогда лишь отдали его огню.

5. ГУРЬЕВ

К утру подошел с прочими Фрунзе и стал против Гурьева лагерем. Был Гурьев укреплен изрядно – стоял там гарнизон сильный, частью из казаков, частью – драгун, и был при пушках. Старшим над ними был полковник Родченко и при нем – немец Вольф, фортификационный мастер. Раз поднялись они на укрепления городские и увидели лагерь перед собой – огни и людей множество. И сказал тогда Родченко: «Вот – сила немалая против нас: станешь считать огни и собьешься!» И усомнились тогда люди его, бывшие с ним: «Одолеем ли силу? Вон горят предместья города этого!..» И сказал Родченко: «Что в силах толпы гикающие против регулярного строя? Подобны они морю безмысленному – накатываются на камень берега без страха, но после откатываются без печали прочь, не сдвинуть им камня, как и камню не догнать их в море!» И велел усилить посты.

6.

И донесли Фрунзе, как брал Багряный предместье, и исполнилось гневом сердце его – призвал он тогда Багряного, а с ним людей его, перед прочими начальниками астраханскими и обратился к нему в ожесточении: «Что сделал ты, недалекий? Зачем истребил ты братьев наших, ремесленников и возчиков? Или провинились чем они? Или мало страданий нес им удел их? Что скажешь теперь в оправданье свое?» И склонил тогда голову Багряный и сказал, оправдываясь: «Один разве я в отряде моем? Разве не первый лишь я среди равных товарищей? Или разума были лишены все опричь меня? Или слово молвить не в силах?» Но выступил тут Тимофей Пакля, бывший при этом, и сказал перед собранием Багряному: «Заслонит ли нам взор человек сей? Или лгать ныне дозволено всякому?» И спросили его тогда, и сказал он, как Багряный давил его конем перед прочими. И допросили людей Багряного, всего четырнадцать человек на выбор. И показали на слова обличающего все как один, на слова же Багряного не показал ни один из них. И решили тогда начальники астраханские: быть Багряному низвергнутым из водителей отряда своего, и хотели даже изгнать его прочь, наказав плетью, да вступился Моисей Черноус – и решили умериться. А над прежними людьми его поставил Фрунзе Тимофея Паклю, дав ему Кривого Алатая в помощники. И закончили суд на этом и разошлись к кострам.

7.

И приступили к Фрунзе близкие его и просились штурмом взять Гурьев. Тогда сказал им Фрунзе, думая удержать: «Силен город этот – вон пушки на насыпи, многие числом. Надо ли лить кровь понапрасну?» Но ответили ему пришедшие: «Не затем ли пришли мы сюда?» И сказал он тогда, усмехаясь: «Будь по-вашему, но пожалее!» И распорядился о приступе, не откладывая. И как пошли в атаку – увидел Родченко с высоты стен городских, что идут они кучно, и дал знак артиллеристам, чтобы стреляли шрапнелью, и многие легли тогда под стенами Гурьева. И увидел Черноус, что захлебывается приступ, выхватил шашку и стал стыдить бегущих от стен – но тщетно: велик был уже страх штурмующих, и не было силы их уговаривать. И подступили к Родченко в его черед старшие из бывших под ним и просились на вылазку, говоря: «Что не догнать бегущего и не добить показавшего спину!» И согласился Родченко, и велел вывести казаков перед укреплениями города. И донесли Фрунзе, что одолевают Черноуса, и призвал он тогда Щорса и Соленого и велел идти на помощь. Но прежде чем вывели они людей своих в поле, явился Салават-мирза с башкирами и, указав на казаков бойцам своим, воскликнул: «Вот вам противник достойный в руки ваши: кони его хороши и оружие хорошо – возьмите и будет добычей вам!» И завязался бой, и резались крепко.

8.

Вот имена сражавшихся под укреплениями Гурьева: Соленый одолел Роттенберга, Ухан одолел Илловайского, но после пал от Гурды. Гурда же достал Щорса саблей, однако не насмерть. После Щорс наехал на адъютантов Родченко и порезал их немало, уже раненый; однако сам не уберется – есаул Коноваленко пронзил его пикой. Также Гурда искал, с кем сразиться, и поехал на Хворого Анисима – долго рубились они: то один одолевал, то другой, пока не сломался у Хворого клинок. Посмотрел Хворой вокруг и не увидел, кто мог бы ему помочь; тогда ударил он своего коня шпорами и смял Гурду к земле. И сам повалился рядом, зарубленный насмерть. Также погиб Моисей Черноус – ему пришлось шальная пуля и спасла от позора. И сообщили Багряному, что погиб брат его, и подумал он в обиде: «Чего ждать мне теперь, когда единственный заступник мой мертв?» И послал он к нескольким друзьям своим по прежним делам, и собрались они и ушли в степь. Прочие же решили, что Багряный ушел к городу мстить за брата, и не стали ему препятствовать.

9.

И стали одолевать казаков, и увидел это Родченко, и сам выехал в поле с драгунами. И завязался бой с новой силой – и утомился Данила Сыч в рубке, и сказал, обратившись к отрокам своим: «Верно, пришли дни старости моей – мочи нет рубиться против прежнего! Глаз еще цепок, да немеет рука уже – что пользы от того для дела ратного!» И вывели его отроки из боя и отвели прочь – тогда слез старый Сыч с коня и, опустившись на траву, закрыл руками лицо свое. И донесли Салават-мирзе, что ищет Родченко Фрунзе, чтобы сразиться с ним, и просил он указать ему место, где Родченко, и сделали по слову его. И выехал Салават-мирза перед ним и крикнул: «Вот я – мой конь и шашка моя. Меня ли ты ищешь?» И спросил Родченко: «Ты Фрунзе?» И ответил Салават-мирза: «Да, это имя мое – так зовут меня». И сказал Родченко: «Пусть рука нас рассудит – один на один, одолеешь ты – твой будет Гурьев, одолею же я – прочь уйдете в степь». Отвечал Салават-мирза: «Пусть так, полковник» – сам же думал: «Что в том нужды – я возьму верх – так и будет, ну, а коли мне не судьба – кто-нибудь иной придет мне на смену». И съехались они и стали биться, и рассек Родченко Салават-мирзе лисью шапку башкирскую, и было бы хуже того для Салават-мирзы, да спасла звездочка литая эмалевая – зацепился клинок. Вскричал тогда Салават-мирза криком сердца своего и ударил Родченко пикой, целясь в коня его, – но промахнулся и лишь поранил бедро ноги его – пику же Родченко перерубил шашкой своей. И стали рубиться они шашками – наотмашь, искрами осыпая вокруг себя, и отсек Салават-мирза Родченке край одежды его, где заговоренная ладанка, – и не заметил Родченко этого, потому как был разгорячен боем и глядел лишь на врага своего. И съехались они вновь, и прежней яростью наполнились сердца их – достал Салават-мирза правого плеча Родченки, и выронил тот шашку из руки своей и думал уйти прочь, да не удержался в седле. Набросил тогда Салават-мирза на него аркан и повел кругом коня своего, надеясь опутать. Сам же думал: «Приведу связанным полковника в лагерь наш, это ли не победа?» И понял тогда Родченко, что не уйти ему от судьбы своей, и рассек кинжалом жилы на горле своем, чтобы избежать плена.

10.

Как пал Родченко, велел Салават-мирза людям своим отсечь голову его и выставить на пике как бы на манер знамени. И сделали так, и увидели защищавшие город, что пал их начальствующий, и смутились сердца их – и дрогнули их ряды, и побежали они к городским стенам. Некоторые же думали: «Что толку возвращаться в Гурьев на милость побеждающим! Добром ли обернется?» И малыми отрядами уходили в степь. И вступили в город осаждающие – на плечах врага; и бились на улицах его, хотя и недолго – вскоре взяты были батареи, затем арсенал и прочие места опоры – и после уже затихли звуки боя на улицах города этого. И велел Фрунзе разыскать плотников и сделать помост на центральной площади городской и скамьи возле помоста, – чтобы было где творить суд. И сделали по слову его, и собрался на площади народ городской и народ, пришедший под знаменами, – и привели плененных в бою, чтобы те ждали судьбы своей. И пришел Фрунзе, а с ним начальники астраханские, кроме павших при штурме и кроме Багряного, ушедшего в степь. И сказал Фрунзе пришедшим на площадь: «Вы, дети свободы первородные! Вот – свобода ваша отныне рукою моей! Да не посмеет вовеки никто пресечь ее, ибо будет повержен волею вашей и руками вашими!» И радовались люди на площади – и угощали друг друга вином и немногим хлебом, бывшим в городе. И приведен был некто, и говорили про него, что грабил дома жителей города этого; и спросили его судьи, что брал он из домов, и сказал допрашиваемый, что брал золото и украшения женщин – и сверх того не брал ничего. Тогда стали решать судьи – как быть с ним, и решили приговорить его к отсечению рук, и спросили Фрунзе, сделать ли так. И сказал Фрунзе, говоря: «Беда ли в том – у вора вор украл песку степей? Хоть бы и все золото города

этого взял, что тогда?» И велел лишить его мужского естества потому, что крал украшения женские, и сделали по слову его. После приведен был другой, грабивший провиант защитников городских. И спросил Фрунзе у судей, как быть с ним. И сказал один: горе ему, он покушался на то, что ныне в руках войска нашего. И сказал другой: достоин пощады человек этот, ибо он ослаблял противника нашего. И спросил тогда Фрунзе у Соленого, почему пал Гурьев перед рукой его. И ответил Соленый без умысла, что, верно, правда легла на сторону осаждающих, хоть бы и стояли крепко противоборствующие им. И сказал тогда Фрунзе судьям и народу, бывшему на площади: «Слышали вы, что сказал человек этот? Вот причина победы нашей и побед, бывших прежде, и тех, что обретем мы во дни грядущего, – где здесь о провианте?» И велел высечь вора перед собранием. И спросил тогда Ефим Дуга, бывший старший над судьями, как поступить с жителями городскими, и ответил Фрунзе, что прощает всех во имя свободы, наступившей вовеки. И призвал вступить под знамена его, и стали жители делать по слову его, кто и хотел – но набралось их числом немного, не более двух сотен. После приведен был на суд немец Вольф, фортификационный и артиллерийский мастер, взятый в бою. И спросил его Фрунзе: «Какая служба была ему у Родченко?» И ответил немец Вольф, что был призван как изучивший науки артиллерийских и фортификационных дел – начальником над крепостью и батареями. И спросил тогда Фрунзе: «Что за науки ты изучал, тщедушный?» И ответил ему ожидающий суда его: «Науки оборонять крепости малым числом людей и науки разрушать крепости штурмом либо правильною осадой, о вождь степей». И спросил тогда Фрунзе: «Какому же войску годятся твои науки, мастер?» – «Это без разницы, о начальствующий над полками; каждому случаю свое наукой предписано. Всегда есть правильная тактика и школа». И задумался Фрунзе. И, увидев это, сказал немец Вольф, ободрившись: «Дозволь мне еще сказать, начальствующий над войском степей, – резонно ли людям твоим, взяв в городе пушки и все припасы к ним, нужные для обхождения, брезговать словом стратегии: позволь быть при пушках и впредь». И расхохотался тогда Фрунзе громоподобно: «Пусть будет по-твоему, мастер!» И велел бросить в реку пушки, пленного же перед тем привязать к одной из них по его выбору.

11.

В тот же день донесли Фрунзе, что нет нигде Багряного. Люди же, бывшие при нем, показали, что видели, как он с немногими ушел в степь – во гневе великом. И призвал тогда Фрунзе Фому Солдата и сказал ему так: «Слушай, Фома, слова скорби сердца моего – все вы дети мне, дети возлюбленные; трещиной сердца мне проступки ваши – быть ли мне строгим либо великодушным теперь? Кто разрешит мне? Кто укрепит меня? Отправляйся, Фома Солдат, разыщи ослушника собрания – пусть вернется он, не помня мерзости своей, – пусть снова станет среди рядов наших, никто не упрекнет его впредь памятью заслуг минувшего: если же по нраву ему упорствовать в деле своем, – то пусть скитается в страхе, словно суслик степей, и нет ему нигде убежища – до самой смерти его, ибо достанет его рука моя от Астрахани до Андижана и от Оренбурга до Тебриза в земле Персидской». Так сказал Фрунзе, и отправился Фома Солдат по слову его; и прошло восемь дней и пришло известие, что погиб он от руки кочующих киргизов, и немногие вернулись из бывших с ним. И спросил тогда Фрунзе вернувшихся, видели ли те Багряного, и сказали они, что видели. И спросил он тогда, не было ли слова для него, и сказали в свой черед, что да – насмехался Багряный над ним и над людьми его, Фому же Солдата называл падалью овечьей, удобряющей степь. И исполнился тогда Фрунзе гневом сердца своего, и велел искать охотников привести Багряного мертвым или живым, – нашлось таких немало. И отправились они по степи, откуда пришли люди Фомы Солдата. И не было их четырнадцать дней – после воротились они с головою Багряного: удачливым же из них был Ефим Дуга, разыскавший его со слов перегоняющих овец и пронзивший его стрелою в затылок, пока тот охотился и не было рядом отроков его.

Из книги Говорухи-Отрока

<...> Стоял Фрунзе в Гурьеве те дни, и пришла ему весть от калмыцких кочевий, где были верные ему, что поднял Багряный знамя свое, и призвал под него кочующих киргизов, обещав отдать им степь от Аркалыка до Царицына. И многие встали под знамя его, и разоряли кочевья калмыцкие, отбирая скот, людей же каких уводили с собой, думая продать в Герат и Бухару, каких убивали тут же. И исполнилось скорбью мучений сердце Фрунзе, и созвал он совет начальников, бывших под ним, и было их тринадцать человек, вышедших от Астрахани. И стали говорить они – и говорили разное: «Срядимся же в поход и уйдем недостойного, ибо он как прыщ на лице гноящийся!» – говорили одни; «Невелики его силы – по плечу это дело одному кому-нибудь из вождей опытных, ибо что толку в степи войско большое против нескольких всадников!» – возражали иные в черед свой. И согласился Фрунзе с этим, и наказал Фоме Солдату взять до сотни всадников, испытанных боем, – чтобы добыть Багряного. И сделал Фома Солдат так, как сказал Фрунзе, – следующим утром, и ушел в степь. И случился в степи ветер, несущий песок, и застил глаза людям отряда этого, и когда кончился он, было с Фомой лишь до двадцати человек, – прочие же отбились и блуждали по степи. И увидели люди его киргизское кочевье, и подумал Фома Солдат: «Стану здесь и подожду своего отряда – что толку искать врага малым числом!» И когда расположились люди его, то стали отнимать у киргизов овец, потому что потеряли в бурю все припасы свои. И узнал об этом Багряный от гонца, посланного киргизами к нему тайно, и сказал: «Видите! Вот идет к вам гость желанный – и это лишь малая его толика!» И сказали киргизы тогда: «Убьем этих людей, что будет нам тогда?» И ответил им Багряный: «За этим будет еще один, а за ним – третий. После же не станет Фрунзе посылать против вас лучших людей своих и оставит за вами степь, как издревле было». И сделали киргизы по словам этим и убили людей Фомы Солдата ночью, когда те спали. Самого же и немногих из бывших при нем, связав, привели к Багряному, чтобы тот поступил с ними, как пожелает. И насмеялся Багряный над попавшими в руки его, говоря: «Что ж, разве не сбылись мечты ваши? Разве не меня вы искали?» И велел отпустить людей Фомы Солдата назад, бив перед тем плетью, – самого же Фому пытал каленым железом за брата своего, Моисея Черноуса, которого тот не любил. Когда же наскучила Багряному пытка, велел он киргизам зарыть Фому Солдата живым возле юрт своих. И сделали они по слову его. Когда же вернулись в Гурьев отпущенные Багряным и рассказали, как было с ними, окуталось гневом сердце Фрунзе, – велел созывать он охотчих добыть Багряного живым ли, мертвым ли, – ибо нет места шестому пальцу на руке и надо его отсечь. И явились охотники, немалые числом, главным же над ними Фрунзе поставил Ефима Дугу, воина проверенного, известного своей хитростью. И отправились они в степь тем же днем, не мешкая. И был добрый знак Ефиму Дуге, пока он ехал степью, – танцующие змеи; к вечеру достиг он калмыцкого кочевья, частью разоренного киргизами, и спросил, где искать Багряного. И указали ему на другое кочевье. И так ходил он от кочевья к кочевью шесть дней и еще три дня, прежде чем дали знать ему, что Багряный близок уже. Тогда оставил он отряд свой и поехал дальше один, куда указали ему. И встретили его люди Багряного и спросили, кто он. И назвал он себя. И спросили тогда, не Фрунзе ли его послал. И ответил он: «Так». Тогда спросили его, знает ли он, что стало с Фомой Солдатом, и ответил он, что знает. И спросили его, чего же он хочет тогда, и он в ответ сказал, что Фрунзе хочет его головы, как хочет он головы Багряного. Тогда отвели его к Багряному, и спросил тот в свой черед, усмехаясь: «Что ж невзлюбил так начальствующий полковников своих?» И ответил Ефим Дуга: «Должно – многие тревоги одолели разум вождя: не тот он, что прежде, – то яростен без повода, то в тоске без причины. Что ж до нас – то не стало покою нынче: всюду рыщут соглядатаи его – разнюхивают измену или только запах измены». И услышав это, сказал Багряный: «Так говоришь, я ожидал подоб-

ного. Что же думаешь ты теперь, Ефим Дуга?» И ответил тот: «Вот я, недалеко отряд мой – поедем же и примем его под знамена твои». И поверил ему Багряный, потому что жаждал такого в сердце своем. И поехали они туда, где стояли бывшие с Ефимом Дугой, и спросил их Багряный, хотят ли встать под знамя его, и ответили, что – да, потому что были научены прежде того. Тогда велел им Багряный идти в ставку свою и быть там среди людей его, и сделали по слову его, как говорил он. И спросил Ефима Дугу один из людей его втайне от прочих, не пора ли, возмутившись, отдать клинкам Багряного и людей его за то, что сделал он над Фомой Солдатом, и ответил тот, что не настал еще час, но чтобы готовились вскоре. По прошествии двух дней отправился Багряный охотиться на сайгаков и взял с собой Ефима Дугу, думая на пиру охотничьем услышать что-либо, прежде им затаенное. И были они вдвоем в степи, отроки же Багряного поотстали; тогда окликнул Ефим Дуга Багряного, и когда обернулся тот – сшиб его стрелой охоты: прошла стрела ему в открытые уста и вышла через затылок, и упал он замертво. Тогда снял Ефим Дуга с руки Багряного перстень и вернулся к сотникам его, ждавшим невдалеке. И спросили сотники, где же Багряный, и сказал Ефим Дуга, что увидел Багряный сайгака о двух головах и погнался за ним, сказав, что не найдет покоя прежде, чем поразит его. Людям же своим наказал вернуться в ставку и принести то-то и то-то. И усомнился один из сотников Багряного в словах этих, и показал тогда Ефим Дуга ему перстень Багряного, сказав: «Что ж ты, нерадивый, не веришь слову хозяина твоего?» И смирился сотник и поскакал в ставку Багряного, где были все люди его и люди Ефима Дуги, другого же зарезал Ефим Дуга кинжалом своим. И услышали люди Ефима Дуги слова про сайгака о двух головах и поняли, что убит Багряный, и восстали тогда и поразили всех ближних его, и сотников его, и воинов его, и киргизов, бывших при нем, – и ни один не спасся из них за то, что сделали они над Фомой Солдатом <...>

Из свода С. Я. Шалобасова. Вторая тетрадь

ПРИЧИТАНИЯ АГАФЬИ, ДОЧЕРИ ФИЛОКТИМОНОВОЙ, МАТЕРИ МОИСЕЯ ЧЕРНОУСА И БАГРЯНОГО

Ой как ты разверзлась на небе, туча черная; туча черная разверзлась бурей ненастной – бурей ненасытной, – унесла от меня лебедей моих белоснежных, лебедей двух моих за море дальнее, за море незнаемое. За море дальнее в страну нехоженую, в страну нехоженую, да откуда возврата нет. Ой вы лебеди мои, лебеди светлые, – уста ваши сахарные, очи ясные, ланиты румяные – осанка ваша горностаева, поступь ваша борзая: кто сравнится с вами в поле! Кто выдюжит против вас – я ли не вскормила вас молоком груди своей, я ли не молила за вас Святых Угодников, я ли не отводила от вас беду заговорами проверенными, заговорами материнскими? Ой да на кого ж вы оставили сердце мое, сердце расколотое – чахнуть мне теперь без любви да без ласки вашей; не мило мне теперь ни солнышко ясное, ни трава зеленая – постыло все без сынов моих ненаглядных <...> спрошу я ветер, ветер непоседливый, – где ж сыны мои ненаглядные, сыны единственные; ничего не ответит мне ветер. Спрошу я море-океан синее, где ж соколы мои ясные, – и не ответит мне море-океан синее – только вспенится круче волною зеленою <...> Спрошу я прохожего-бедолагу: ты, прохожий, много стран повидал, земель дальних, – где ж сыны мои, надежда старости и радость жизни моей, – и опустит глаза прохожий и скажет мне тихим голосом: «В стране дальней, в стране татарской лежат сыны твои в земле ничейной, и нет над ними ни креста, ни камня». Разорву я тогда одежды свои, расцарапаю лицо свое – зачем жить мне теперь <...>

НАДПИСЬ НА КАМНЕ ВОЗЛЕ КОЛОДЦА КАРА-БАЛЫК, В ШЕСТИ ВЕРСТАХ БЛИЗ ГУРЬЕВА

Так повелел написать я, водитель народов и сеятель битв, Фрунзе, давший свободу людям Актубы и людям Царицына, живущим в Астрахани и в степях калмыцких, – и здесь я, Фрунзе, поставил камень сей в знак победы моей и взятия города сего Гурьева и боя славного, бывшего перед укреплениями его, и во славу свободы и прощения жителей его, отныне и во веки веков, и да сгинут враги наши, как дым.

Первая книга похода (продолжение)

12.

И донесли Фрунзе, что подходят к концу припасы города этого и осталось их на десять дней и еще на два дня, а жиров и пшена и вовсе на пять дней, не более. И спросил тогда Фрунзе у близких ему, как быть. И ответил некто, что, дескать, надо отпустить народ до весны. И возразили ему, что, мол, соберутся ли после? И сказал тогда Фрунзе – чего ж не распустить, если не ведают, зачем стоять тут. А только стоило ли хоронить под стенами города этого лучших товарищей своих, чтобы рассеяться прежде запасов пшена? И воскликнули тогда в смущении бывшие при этом: «Что же делать теперь? Направь нас!» И сказал Фрунзе тогда: «Что ж неясного здесь? – не пойму! Или исчезли враги наши с лица земного? Или свободны отныне народы земель до Моря Восточного и до Моря Южного? Или нет больше плача над землей? Что ж держит нас? Пойдем теперь дальше – кто ж нас остановит! И будем же славны, как прежде, – и да не опозорим же товарищей наших, павших в битвах дней прошлого!» И спросили тогда, как быть с недостатком провизии и прочего, нужного для похода. И отвечал Фрунзе в воодушевлении: «К чему колебания эти?! Выйдем в степь – степь даст нам провизию и фураж коням нашим; и оружие – если надо кому еще оружия!» И воспрянули бывшие при этом и решили выступить на третий день, и затем каждый пошел к людям своим.

13. СТЕПЬ

Вот имена начальников похода, как они вышли в степь: первым из них Евсей, прозванный Калина, и с ним люди его: астраханские рыбники. За ним Ефим Дуга, добывший Багряного; дальше Говоруха-Отрок и Завьялов Неназванный, а с ним обозы, за обозами – Соленый и с ним, в строю сотников его, – Фрунзе. Следом Ефим Небогат и Тимофей Пакля с людьми Багряного. Следом Данила Сыч и другая часть обоза. Затем Матвей Плаха, известный как Однорукий, и Еврей Гольц, за ним Архип Заяц и, после всех, Федот Сухой и плотники его, люди надежные в бою и работе. Салават-мирза же и немногие люди его вышли прежде того – чтобы узнать степь. И выступили против Фрунзе некоторые вожди киргизские и были разбиты, а люди их рассеяны в степь. И выступили за ними другие, большие числом, помня обещанное Багряным, и также были разбиты, потому что не лежало к правде дело их, за что сражались они. И попали в руки к Фрунзе стада их и сокровища их, и надо было решить, что делать с этим. И велел Фрунзе поделить стада впятеро, и после – пятую часть велел отдать в обоз войска своего, остальное же поделить промеж киргизов поровну – чтобы никто не обижен был перед прочими. Сокровища же велел Фрунзе пересечь, и вышло сосудов золотых и серебряных – восемьсот девяносто, богатого оружия – две тысячи двести шестьдесят, конской амуниции, выделанной золотом, – на триста пятнадцать конных, женских же украшений – без счета. Помимо этого взяты были золотая колесница под четверку коней и диамантовое ожерелье гемузской работы, дарованные во времена прежние киргизам от Джучи-хана, в знак владения ими степью. И обратился к Фрунзе некто и говорил: «Я златокузнец, мне ведомы секреты мастерства сего от отца моего, как ведомы ему от деда. Вели отдать мне вещи эти, ибо знаю я, как поступить с ними». И спросил тогда Фрунзе у бывших с ним: «Кто человек сей?» И сказали, что так, мол, и так – что начальник ему – Евсей Калина и что сам он – воин искусный и не раз показал себя. И спросил тогда Фрунзе златокузнеца: «Что ж сделаешь ты со всем этим?» И сказал тот в ответ: «Знаешь ли ты, как поступали люди дней прежних?» И сказал Фрунзе: «Говори!» И сказал тот в свой черед: «Если хотели они почтить кого-либо перед прочими, то изготавливали для него что-нибудь: браслет ли, отделку для оружия его либо доспехов его. Если же нужда была почтить героя павшего в пример живущим, то насыпали холм поверх могилы его и клали в могилу ту добычу дней войны и также сделанное искусно в память

его. И стоят холмы те от дней минувших по дни нынешние, и стоять будут до дней последних». И по слову этому велел Фрунзе отдать мастеру золотой кузницы все кубки и прочие сосуды драгоценные – чтобы он выковал из них золотого всадника, разящего копьем лисицу, – в память о Ленине, погибшем за трудящихся. И велел еще отдать ему в помощь шесть человек, крепких телом и способных к ремеслу, и, кроме них, всякого, знакомого со златокузнечным делом, – кто объявится. И сделали так.

14.

Стал умирать Данила Сыч, и узнал об этом Фрунзе и велел войску своему стать лагерем, ибо думал он, что, может, – обойдется, как обошлось при взятии Гурьева. И приготовили Сычу отроки его ложе в степи, в стороне от лагеря, как он просил. И пришел к нему Фрунзе и говорили они, вспоминая, что было у них за годы, и попросились они, и, утомившись, заснул старый Сыч, будто бы в облегчении. И прошла ночь, и утром увидели отроки его слушающим пение птиц, и сказал им Сыч: «Вот поют птицы степи – птицы утренние – и никогда так красиво не пели будто!» И наполнились слезами глаза его, и понял он, что умирает. И послали за Фрунзе сказать, что Сычу осталось недолго. И пришел он, и с ним были все начальники астраханские, кто был еще жив, и любимые отроки Сыча, остальных же к нему не пустили, ибо многие хотели попрощаться с ним. И спросил умирающего Фрунзе: «Что сделать тебе потом?» И ответил Сыч в трудах смерти: «Пусть похоронят меня, как говорил златокузнец, вещи же мои немногие пусть оставят со мной, только коня моего возьмите: славный у меня конь – пусть и дальше он топчет врагов наших!» И привстал Сыч, сияясь разглядеть пришедших к нему, но не было уже сил у него. И когда бросились отроки на помощь к нему, уже оставило его дыхание жизни.

15.

И велел Фрунзе насыпать два кургана на пути полков своих – один над могилой Данилы Сыча, почившего от старости и от ран дней ушедших, другой рядом, памятью о Ленине, раздувшем угли свободы в костре народных мучений. И работал всякий, вставший под знамена его, день ото дня – и так восемь дней целиком и половину дня девятого. И поместили в первый курган выкованное из золота – всадника, разящего копьем лисицу, и дивились люди искусности работы этой. Другой же курган укрыл старого Сыча, чтобы спал он спокойно после ратных трудов своих и никто не тревожил его. И положили возле Сыча шашку его и карабин его, и старую трубку его, и укрыли буркой его черкесской, как при жизни любил укрываться он. И велел Фрунзе, чтобы курган Данилы Сыча был на шесть локтей ниже кургана Ленина, и сделали так. И стоят эти два кургана в степи до дней нынешних, и зовут это место в степи – Тюё-тау, что значит Верблюд-гора.

16.

Вскоре после смерти Старого Сыча созвал Фрунзе совет начальников над полками своими, чтобы решили они, куда вести войско это, – ибо разное говорили люди, допущенные к совету. И пришли все, и стал говорить первым Соленый и сказал словами воодушевления: «Что ж мы решаем, будто есть еще пути, кроме наилучшего! Вот перед нами Макат: пойдем же на юг от него – к морю – по морю будет наш путь. И да восславимся мы на Мангышлаке – и освободим живущих там, и омоемся после в горячей воде Кара-Бугаза, и, омывшись, – возьмем Красноводск рукою своей. Все дороги открыты господину Красноводска: на Мары и Ашхабад, на Бухару или Мешхед, в землю персидскую! И воспрянут народы и очистятся от веков рабства сосущего – и станет цвести земля та всюду, где ступит нога наша и куда укажет рука наша!» И многие подтвердили слова эти, потому что были они близки духу их. И спросил тогда Фрунзе: «Нет ли кого, кто хотел бы сказать об этом?» И поднялся тогда Ефим Небогат

и сказал собранию медленным словом, как было у него в обычае: «Послушайте, друзья мои верные, друзья проверенные, братья крови моей, соратники лет многих и битв славных! Вот что скажу я вам об услышанном – добрые слова сказаны. Славен Соленый: муж смелый, пашка его в бою многих стоит. Мне ль не поддержать его, как прежде не раз бывало? Воистину – так. И воистину – мне сказать, коли вижу в словах его заблуждение мысли либо лукавство разума – ибо брат он мне младший и перед братьями своими говорю теперь». И взволновались пришедшие на совет и спросили его: «Что ж так?» И сказал он: «Вот слово мое: велик будет путь до Мангышлака. Труден для людей наших – ибо мало на нем колодцев и редки жители мест тех. Многих недосчитаемся, пока дойдем до Красноводска. И зачем лишения эти? Что толку нам умирать в пустыне, будто бы солнце – враг наш, и для чего оружие наше? И кого освободим мы тогда: змей да ящериц?» И вновь взволновались бывшие на совете, и вскрикнул Салават-мирза с насмешкой: «Что ж нам, Ефимушко Робкий, искать теперь славы в странах бессолнечных? Или же, паче всего, вернуться в Гурьев и рыть там колодцы?» И ответил ему Евсей Калина: «К чему насмехаться – ведь есть еще пути помимо указанного». И спросили его тогда, и сказал он: «Вот путь наш среди селений цветущих и жителей многочисленных: прекрасны сады их, тучны их стада и много хорошей воды на пути этом. Двинемся же так: от Макаата – к востоку, покуда не достигнем Челкара. Придя же в Челкар, повернем на юг, к Арал-море, богатому рыбой. И освободим народы, у моря того кормящиеся, и после двинемся через Усть-Юрт в земли, где живут каракалпаки – народ, покоренный йомудами. Там владения хивинского хана – и сразимся с ним, и рукой своей возьмем города его и дадим свободу подданным его – впервые от века. Река течет там – зовется Аму-Дарья, от гор ледяных персидских и уходит потом в Арал. И город на реке – Чарджу, и от Чарджу дорога открыта на Бухару и Самарканд, владения эмира Бухарского: не туда ли звал нас Соленый?» И поднялся тогда шум великий среди начальников полковых, и говорили одни: «Вот истинно – слова мужа зрелого, глядящего далеко!» И порицали другие сказанное и говорили, что, мол, прав Соленый. И состязались они до ночи в сладкоречии и громкоголосии – пока не понял Фрунзе, что не договориться одним с другими, как не ужиться в озере рыбе морской, а рыбе озерной – в море синем.

17.

Вот что сказал тогда Фрунзе, желая утолить страсти, когда иные уже тянулись руками к нагайкам, у поясов их висящим. «Дети мои, с кем провел столько лет я, с кем делил до дня нынешнего все тяготы жизни военной, – друзья мои верные, те, кого не сгубили степи Царицына и волжские плесы, – кто уберется пули лихой и клинка горячего, кому случалось кашу из травы придорожной соленой водою запить, – вы ли здесь передо мною? Вы ли уличаете друг друга – уже долгие часы, и шум стоит над собранием вашим? Разве не смиритесь вы перед мнением мужа опытного, уважаемого вами и достойного внимания вашего? Разве нет такого среди вас и людей ваших?» И стали кричать тогда пришедшие на собрание: «Ты, Фрунзе! Ты один нам судья – помыслам нашим и словам нашим! Ты рассуди нас, кто прав из начальников наших!» И ответил им Фрунзе: «Пусть так. Знаю, как разрешить споры ваши: пусть вспомнит каждый, чем поклялся, вступив под знамена эти, какой обет дал перед лицом воинства нашего!» И ответили ему: «Так! Помним мы слова наши!» И сказал он тогда: «Ведь клялись мы освободить народы страждущие, где бы ни жили они.» И ответили ему: «Так! Помним слова эти!» И, услышав это, сказал тогда Фрунзе: «Что ж худого тогда, если одни пойдут морем и освободят народы берега, в то время как прочие пойдут на Хиву и освободят людей Аму-Дарьи и Усть-Юрта? И воссоединимся после у Бухары и попробуем эмира: возьмет ли его рука наша? И коли возьмет, то не будет нам преграды до земли персидской к югу и до Ошских гор к востоку и напоим коней наших из ферганских колодцев, – и будем славны в тех землях более Искандера Великого!» И спросили тогда: «Кто ж разделит полки наши?» И ответил Фрунзе, что нет нужды – довольно охотников и в той и другой части, следует лишь выбрать верховного

над всеми начальника. И просили его люди сделать это, и поставил Фрунзе над одними Салават-мирзу, над другими же – Матвея Плаху. И после разошлись все по шатрам своим, потому что близилось уже утро дня следующего.

18.

Вот имена начальников над полками, с тех пор как разделились они перед Макатом. Вот те, кто пошел за Салават-мирзой, те, кто выбрал верховенство его. Первым – Завьялов Неназванный, за ним Говоруха-Отрок и Ефим Дуга, после всех же Соленый и люди его. Всего же начальников – пять человек, считая Салават-мирзу. Разделившись же, двинулись они к морю Каспийскому и сражались на Мангышлаке и под Красноводском, и о том, как сражались они, и все дела их и слова их, и что стало с ними, написано в книге Говорухи-Отрока. Вот те, кто остался под Макатом и по взятии Макаата пошел на юг, к морю Аральскому. Вот имена их, как звали их: Матвей Плаха, тот, что с одной рукой, – и поставлен он был над всеми как старший возрастом после Данилы Сыча, когда тот умер. С ним Архип Заяц, по прозвищу Горелый, Еврей Гольц, затем – Федот Сухой и плотники его, после – Ефим Небогат и Евсей Калина, астраханский рыбник. Всего же начальников – шесть человек, и пошел с ними Фрунзе, потому что было их больше числом, чем ушедших к Мангышлаку. О том, как сражались они, и все дела их и подвиги их, – все это описано в Книге Степи, известной еще как Вторая Книга Похода, также и в Книге Земель и в преданиях жителей мест тех.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ ПОХОДА

Книга Царицына

1.

Был человек в Царицыне, и звали его Степан Ветряной. Был он горшечником, дом его стоял над рекой, – и был паводок, и обрушился в реку дом его, и семья его, и дети его, и все погибли. Степана же в ту пору не было. Вот вернулся он, и рассказали соседи ему, как было, и отдали белого козленка ему – все, что сохранили от имущества его. И ждали соседи, что он скажет, – Степан же молчал. И после поднял козленка на руки свои и пошел прочь. Соседи же думали: «Вот горе у человека! Не будем ему мешать: позже вернется к нам!» Степан же не слышал их, горе заволокло сердце его. Так прошел он не одну версту, пока не стал просить пищи козленок его, – тогда опустился Степан на обочину дороги и пустил козленка пастись среди придорожной травы. Сам же заплакал о горе своем.

2.

В то время Федот Сухой набирал отряд свой, сражаться под знаменами его за свободу трудящихся народов земли. Раз ехали люди его дорогой и увидели плачущего у обочины ее и белого козленка, которого он пас. И был дождь, и спросили его, почему не идет он в дом свой к жене своей, и ответил он, что дом его теперь велик, и стены дома его – где небо касается земного края. И понравился им ответ его, и сказали ему: «Что ж, не пойти ли тебе с нами, друже?» И спросил он, далеко ли едут они, и ответили: «Далеко ли – а все будешь в доме своем». Попросил он тогда дать ему нож, и когда сделали по слову его, – привлек к себе козленка и вырезал ему клоч шерсти его и схоронил в шапке своей. И тогда дали ему коня, и ушел он с отрядом.

3.

И стал славным бойцом Степан Ветряной, ходил он походами с отрядом Федота Сухого, и Федот поставил его над десятью. И ходил он, старшим над десятью, к соленому озеру Эльтон, и был отмечен за это Федотом Сухим, и получил аварскую папаху и бинокль из рук его. В те дни был взят Царицын, оставленный прежде. И был бой перед этим, и сражались на улицах его несколько дней, и многие жители его погибли тогда, и множество домов сгорело. И пришел Степан туда, где прежде был дом его, и увидел прежних соседей своих в горе: пожар погубил дома их и все имущество их. И узнали они Степана и взмолились ему, чтобы он помог им. И сказал им Степан: «Что в силах я против судеб ваших? Разве поделиться козлиной шерстью!» И велел людям своим пригнать им козье стадо, захваченное прежде возле города. И принялись жители ловить коз этих, и ссорились между собой, и били друг друга чем попадя, и многих забили насмерть.

4.

И приблизил его к себе Федот Сухой и послал его в Сальск-городок попробовать, за кого встанут казаки. И отправился он, и была буря в степи, и снег, и не видели друг друга едущие рядом. И когда утих ветер, понял Степан, что один он и степь вокруг. И отпустил он поводья коня своего, и вывел его конь к хутору, и стал искать Степан людей на хуторе том, но не нашел никого, кроме дочери хозяина. И приглянулась она ему, и отдал Степан ей коня своего и попросил напоить. И спросил, где хозяева хутора этого. И ответила девка, что отец ее, вахмистр Кучерявенко, уехал в город по зову городского полковника да задержался бурей. И сказал ей Степан, что голоден, и принесла она ему молока и картошек, Степан же привлек ее к себе и принялся ласкать ее и после познал как женщину. И увидели они некоторое время спустя скачущих к хутору вдалеке. И сказала девка: «Это отец мой и люди его возвращаются из города». И сказал ей тогда Степан: «Спрячь меня, не то выдадут они меня в Сальск – награда обещана

за голову мою». И указала тогда девка на сарай, где держали коз, и схоронила в нем Степана. Тем временем подъехал к хутору Кучерявенко и спросил у дочери, не было ли кого здесь, потому как видели люди его чьи-то следы в степи. И ответила девка, что не видела никого, кто б был ей незнаком. Чуть погодя увидел Кучерявенко чужого коня, евшего из яслей его овес, и однако не стал спрашивать больше дочь свою, а приказал отрокам своим осмотреть хутор. И принялись отроки осматривать дом и все постройки и погребя – и пока удалились они, сказала девка отцу своему, что мужа ее ищут отроки с тем, чтобы выдать его на казнь. Тем временем вернулись посланные и привели Степана, сказав: «Вот человек, воровавший коз здесь». И велел тогда Кучерявенко оставить их и, когда удалились все, спросил Степана, что делал тот в козьем сарае. И ответил он, что жил некогда в Царицыне, и был у него козленок малый, и оставил он его в придорожной траве, а нынче ищет выросшим. И спросил тогда Кучерявенко, как же намерен узнать он козленка своего, и ответил тот: «По шерсти». И показал клок шерсти козлиной с исподу шапки своей. И сказал тогда Кучерявенко людям своим, что это путник, сбившийся в степи, и чтобы не трогали его. И остался Степан на хуторе и следующей весной отстроился на выселках.

Книга Степи (Вторая книга Похода)

1.

От дней начала и до дней исхода – недвижна ты и великолепна, степь. Приходят люди, рождаются из чрева матерей своих и пускаются в путь тропкою твоей с севера на юг и с юга на север, и пускаются в путь с востока на запад и с запада на восток – и проходят путем своим, и нет их боле. Где они? И только колышутся травы твои – от века, и бродит ветер над равниною. Где они? Пришли ли к цели пути своего? Кто ответит теперь? Кто перечтет их – кого приняла ты, степь, в тучное чрево твое. Ты мать нам, степь, ты хранишь нас до срока – утоляешь голод наш охотой и жажду нашу у степных колодцев, ты согреваешь нас у ночных костров и даешь нам женщину силой руки нашей – тебя ли не благодарить нам? И не ты ли примешь нас в последние объятия твои, дабы воплотиться в тебе, рассеясь в черной плоти твоей и потом взойти травами колосющимися? И кто помнит о нас помимо тебя, степь? – Лишь враги наши. И кто сбережет детей наших? Лишь ты да случай. ... Вот она, степь. Когда убрана травами, и колосятся травы, покуда хватает взгляда; когда выжжена солнцем и подымает ветер мелкую колючую пыль... Тиха степь: лишь свист хищной птицы рассекает воздух, да путаются ветры в ковылях – и только изредка встанет белым столбом шайтанчик – малый безобидный смерч – и через четверть часа уляжется сам собой: ничто не всколыхнет тебя, степь. Ничто не встрепенет тебя надолго – ни пыльная буря, порождение дальних высохших солончаковых озер, ни голодный пролет саранчи, несущей свою гибель в неисчислимости своей, – и вот уже легла на землю саранча, и всякая тварь поедает ее... Ничто не властно над тобой, степь: пройдут по тебе бесчисленные народы, как прошли народы дней минувшего, и уйдут дела их, как осела вскоре пыль, подымаемая копытами их стад, – и лишь курганы, насыпаемые руками рабов их, будут стоять в степи вечно, неведомые и покатые, и по ним, как по звездам ночью, определит направление раздвигающий травы путник.

2.

Вот бывшее перед Макатом; как разделились между собой начальники астраханские, и разделились за ними люди их и имущество похода, и оружие, и фураж. И пошел Фрунзе с теми, кого больше, и было тех, кто пошел с Фрунзе, больше на треть. И поставлен был над ними Матвей Плаха однорукый, как самый старый и опытный в походах. И выделились те, кто пошел за Салават-мирзой, разбили лагерь новый, в двух верстах от лагеря Фрунзе, и стояли в том лагере двое суток, готовясь к выступлению. Когда же увидели, что готово все: и лошади, и имущество, и каждому известно, кто начальник его, и кто слева от него, и кто справа, и нет смысла более откладывать выступление до дня следующего, то собрались начальствующие над идущими на Мангышлак и отправились к Фрунзе и сказали ему: «Вот, Фрунзе, готово все – и люди наши, и кони, и оружие наше – и нет смысла откладывать». И сказал им Фрунзе: «Добро. Пусть теперь выйдут в степь из лагеря того и из лагеря этого». И когда сделали по слову его, сказал Фрунзе бойцам своим, бившимся под знаменами его у Царицына и у Астрахани, возле Казани и под Гурьевом-городом: «Дети мои, вот час расставания – и пусть обнимет каждый из тех, кто по эту сторону, кого-либо из стоящих по ту, ибо предчувствую я, не всем из нас доведется встретиться вновь». И обнялись бойцы, забыв распри дней недавних, и после велел Фрунзе устроить пир, дабы запомнил каждый, каково было братство их, и пронес память о том до дней последних своих. И был пир, и пировали все два дня и две ночи, после же вновь разделились по лагерям своим и следующим утром выступили в поход.

3.

И подошел Фрунзе к Макату и, обложив его со всех сторон осадой, послал к защищающим его людей своих, чтобы те сказали им, чье воинство перед ними и кому противостоят они понапрасну. И выслушали посланцев защищающие город и сказали, что нужны им два дня и две ночи, чтобы обдумать слова услышанные, и дал им Фрунзе два дня эти и приказал пустить в город воду ручья, перед тем перегороженного, чтобы изнурить осажденных. Макат же прежде был неприметный городок с немногими жителями; когда же пришли времена бедственные и встала огнем степь, и перестал узнавать соседа сосед, и стонали люди от разорения имущества их и от потери близких их, и стонали более от страха дня наступающего, нежели дня прошедшего, тогда поднялись те, кто уцелел еще, и взяли оставшееся от имущества своего, что могли унести, и часть скота своего, что могли отогнать, и пришли к Макату. И были это люди племен различных, и каждое племя принесло богов своих. Макатом же правил некто Афанасий Черных, человек штатский и служивший до того на акцизах. Над городом же его поставили по незначительности такового. И обратились к нему пришедшие тогда и сказали: «Вот мы, начальствующий над городом, вот мы в руки твои – защити нас от бедствий времени этого». И ответил Черных: «Как защитит мне вас, ведь незначителен гарнизон наш и сам я человек невоенный. К тому же нет у Маката ни насыпей земляных, ни каменных стен – что я могу, приди кто из степи?» И сказали ему пришедшие: «На сотни верст в округе – нет места иного, потому построим земляную насыпь снаружи домов этих и возведем частокол над насыпями». И согласился Черных со словами людей этих и поставил Ильдара Рябого надзирать за работами.

4.

И возвели они укрепления, о каких говорили, и поставили частокол над насыпью земляной и башни сторожевые, и собрали запасы провизии, хотя и незначительные количеством, потому как был голод в степи уже несколько лет. Закончили же они работы свои месяцем и двумя днями прежде, чем подошел Фрунзе испытать работы их. И, увидев перед укреплениями новыми лагерь военный и множество войска конного и пешего, решили бывшие в Макате: «В добрый час решили мы дело – а ну как запоздали бы на месяц с малым: что бы стало тогда с семьями нашими и имуществом нашим!» И пришли они к Афанасию Черных и сказали тогда: «Вот мы для боя, градоначальник, – отразим же нашествие людей степи: укрепления наши хороши – не взять их конными, есть оружие у нас и полны решимости мы защитить семьи наши и имущество наше». И ответил им Черных тогда: «Знаете ли вы, кто стал лагерем под укреплениями этими? И какие города взял он прежде – не чета этому». И ответили пришедшие: «Так говоришь, градоначальствующий, многих победил Фрунзе во дни прошедшие с войском, что было под началом его, однако не то оно нынче: меньше стало число его, нет в нем лучших бойцов, ушедших к морю, – попытаем же счастья: может, и совладаем с оставшимися!» И ответил Черных говорившим: «Добро, завтра будет решение мое. Сейчас же идите к людям своим». С тем и ушли пришедшие. И не знал Афанасий Черных, как поступить ему: сражаться ли на приступе либо отдаться на милость осаждающим. И созвал он тогда от каждого народа, из пришедших в Макат, магов их и волшебников их и слушателей богов их, и сказал им, чтобы спросили богов этих или духов или знамения – кто верит во что. И сделали те по слову его, и показалось им разное – одним, что надо сражаться, другим же – что смысла нет искушать оружие перед врагом их. И было на исходе время, отпущенное Афанасию Черных осаждавшими, а он не знал, как поступить ему. И когда проходил кто-то и говорил: «Сражаться!», то откладывал он спичку возле правой руки своей, когда же проходили и говорили «нет», то возле левой. Когда же истек час оговоренный, было спичек поровну, последняя же была – налево. И велел тогда Черных открыть ворота города того, и ушел посланный им исполнить это. И пришел уже после того киргизский мулла и сказал, что было знамение ему от могилы праведника веры их – видел он ящериц, вспыхивающих пламенем тихим без дыма, и из пламени этого

вышли джинны и стали плясать и топтать тех ящериц, ящерицы же не поддавались им и бегали вокруг ног их. После же ящерицы те сплелись вдруг в огненный ком и из кома того родился Джирджис с горящим копьём и поразил обоих джиннов. И сказал мулла, что подобно Джирджису, разящему джиннов, должны пришедшие в Макат вместе с живущими в нем поразить врагов своих. И поверил Черных в знамение это и отдал приказ вступить в бой всякому, носящему оружие, но опоздал он с приказом этим, потому как входил уже враг в ворота городские, открытые по слову его, бывшему перед тем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.